

Брунон Грусель

**Ракетная лихорадка:
причины и последствия размещения
американской системы противоракетной
обороны (ПРО) в Европе**

Американское Агентство противоракетной обороны (*MDA*) объявило в начале года о необходимости начать переговоры с чешским и польским правительствами по возможному развертыванию в их странах радара и перехватчиков для противоракетной оборонной системы, но старый континент, и особенно Россия, похоже, настроены против. Российские военные и начальник генерального штаба объявили, что такое развертывание вызовет, возможно, выход России из соглашения 1987 года об уничтожении ракет ближней и средней дальности (*INF*). Очевидно, пытаясь успокоить свои вооруженные силы, Кремль неоднократно выражал сомнения в том, что такая система нацелена на возможную иранскую ракетную угрозу, что фактически такой угрозы не существует и что европейское расширение американской противоракетной обороны в действительности нацелено против ядерных активов России и не имеет никакой оборонной ценности для Европы.

Большинство европейских столиц отметили нарастание напряженности между Москвой и Вашингтоном по вопросам возможного развертывания ПРО, особенно после речи президента Путина на февральской конференции в Мюнхене по политике безопасности. Она вызвала удивление и беспокойство, особенно в Берлине, где министр иностранных дел потребовал проведения консультаций между США и

Россией. Опросы в двух главных заинтересованных странах, Чешской Республике и Польше, показали отсутствие поддержки населения такому развертыванию даже при том, что правительства этих стран демонстрировали свою заинтересованность в этом проекте.

Немало вопросов следует задать, чтобы понять, почему США предприняли такой проект и какие последствия он будет иметь для Европы и международных отношений в целом. Очевидно, большинство пунктов российской риторики в действительности не имеют в виду понимание причин и последствий американского плана. Но надлежит обсудить другие проблемы. Одна из них включает вопрос, как такая система будет сосуществовать с будущей возможной противоракетной системой обороны НАТО, которая может, к тому же, включать и российские активы. Другие проблемы относятся к уровню интеграции польских и чешских военных в управляемую США систему и ее значению в европейской обороне.

Действительно ли система ПРО нацелена против угрозы баллистических ракет?

Прежде всего следует вернуться к истокам американской политики по противоракетной обороне, ясно сформулированной президентом, избранным в 2000 году. Тогдашний кандидат и большинство членов его команды по национальной безопасности были жесткими сторонниками ускорения программы, по которой Билл Клинтон соответствующего решения не принял. Сегодня же на Капитолийском холме сформировалось более широкое двухпартийное согласие на предмет продолжения развития программы ПРО. И хотя демократы вполне могут подвергнуть сомнению некоторые аспекты ее технического развития и их стоимость, ни один из них, вероятно, не будет высказываться об отмене программы в целом, и при следующей администрации следует ожидать продолжения начатой политики.

Начатая тогда политика противоракетной обороны состояла в необходимости развертывания изначальной системы для

защиты Соединенных Штатов в самое ближайшее время. Но часть той политики была сосредоточена на необходимости расширения программы ПРО на американских союзников и друзей. Несмотря на отдельные технические успехи или неудачи, нынешняя администрация фактически продолжала эту политику, превратив вопрос обороны союзников в эффективное средство расширения военного сотрудничества. Эволюция Японии в политике противоракетной обороны – от простого технического сотрудничества к эффективной координации американских и японских активов – хотя и показывает изменения собственных представлений Токио относительно его вооруженных сил, также демонстрирует и то, каким образом Вашингтон намеревается объединить программу ПРО в единой системе, которая координировала бы американские активы и местные системы обороны.

Консенсус в Вашингтоне на предмет необходимости продолжения программы происходит от повсеместно разделяемого представления о развитии угрозы и возможности того, что неконтролируемые страны рано или поздно будут обладать ракетами с диапазоном, необходимым для достижения территории США. Уже сейчас американские войска, базирующиеся за границей или участвующие в операциях, сталкиваются с большим тактическим арсеналом баллистических ракет, который мог бы использоваться в стратегии антидоступа. Это имеет место в Северной Корее и Иране, которые обладают множеством систем, производных от СКАД. Возвращаясь к угрозе диапазона дальнего радиуса действия, недавние испытания в Северной Корее – включая испытания *Taepodong-2* 4 июля 2006 года, а также известные события в Иране указывают на длительный интерес Пхеньяна и Тегерана к обладанию оружием, необходимым для нападения за несколько тысяч километров от их территории.

Среди прочего Москва настаивала, что фактически развернутые или развертываемые иранские ракетные силы не способны достичь континентальных США. Фактически никто не оспаривал это утверждение, даже среди большинства сторонников ПРО в Администрации. Но вопрос ведь стоит не

об имеющихся сегодня баллистических ракетах, а о возможных угрозах двух следующих десятилетий. По всей видимости, иранская программа в состоянии произвести жизнеспособную ракету межконтинентального радиуса действия в период в 2020-2030 годов. И нет никаких сомнений, что Тегеран будет в состоянии произвести ракету, способную к удару по большинству европейских стран, намного раньше. Эти будущие возможности Ирана могут принять форму развертывания МБР, а также космических средств доставки двойного использования, как показал запуск 25 февраля.

Последний известный экспортный отчет по ракетам Северной Кореи вызвал глубокую озабоченность в том, что в последние годы там без предшествующего предупреждения возник баллистический арсенал, потенциально направленный против западных стран. Конечно, этим странам понадобится время для развития их боеспособности, но для развития баллистических ракет дальнего радиуса действия не потребуются десятилетия.

Планируя развертывание первого этапа ПРО в Европе к 2013 году, США так или иначе отвечают на соответствующую угрозу.

Как разворачиваемый в Восточной Европе компонент системы будет интегрирован в американскую систему ПРО?

Противоракетная оборона имеет особенностью необходимость координации нескольких функций и должна быть в состоянии работать на предупреждение, отслеживание и перехват. Схематично ее архитектура использует несколько типов инструментов:

– *Предупреждение* получается от комбинации космически, воздушно и наземно базируемых средств, которые в состоянии обнаружить запуск ракеты. Такие системы, как *SBIRS* (базируемая в космосе инфракрасная система), радары, заглядывающие за горизонт, и, потенциально, *UAVs* (беспилотные воз-

душные средства), могут предоставить системе информацию о пункте запуска баллистической ракеты.

- *Отслеживание* состоит в предсказании траектории запущенной ракеты, включая ее падение. Это может быть осуществлено космически, воздушно или наземно базируемыми средствами. Отслеживание используется для подачи сигнала перехватчику, чтобы он был в состоянии найти и поразить цель.

- *Перехват* осуществляется ракетами, несущими обычные или даже ядерные боеголовки, или же направленной энергией (например, лазером). Увеличение количества попыток перехвата повышает возможность поразить цель, поскольку единичные системы перехвата имеют вероятность работы со сбоями и пропуска цели. Таким образом, предполагается, что подобная многослойная архитектура системы США даст более высокий шанс эффективного уничтожения запущенной баллистической ракеты.

Планируемое развертывание в Европе включает следящий радар, базируемый в Чешской Республике, и множество наземных перехватчиков, которым предстоит развертывание в Польше. Другие компоненты в Европе уже существуют, планируется их модернизация для того, чтобы они вписались в архитектуру ПРО. Имеются в виду радары дальнего обнаружения в Файлингдейле, в Великобритании, и в Туле, в Гренландии.

Вся эта система должна быть связана с командным центром управления, расположенным в Шайеннских горах в Колорадо, который будет осуществлять стратегическое командование всеми средствами перехвата с фиксированных участков, развернутых крейсеров *AEGIS* и истребителей, или же, в будущем, с бортовых лазеров (*ABL*). Конечная цель системы состоит, таким образом, прежде всего в обороне Соединенных Штатов.

Нацелено ли развертывание ПРО в Восточной Европе против российских ядерных сил сдерживания?

Следовательно, на взгляд США, перспектива развертывания европейского компонента ПРО вполне своевременна,

учитывая то, что Иран будет продолжать развивать свой арсенал баллистических ракет и, возможно, тайную ядерную военную программу. С технической точки зрения, развертывание этого компонента где-нибудь в Восточной Европе имеет также смысл против ракет, нацеленных на США из региона, расположенного ближе к северу, которые могут быть перехвачены противоракетной системой обороны, развернутой на траектории их полета. Хотя Польша, по-видимому, подходит для развертывания перехватчиков, для этой цели могут рассматриваться и другие северные страны, такие как Великобритания или Норвегия.

В конечном счете предложенное развертывание действительно может использоваться для обороны Европы, хотя такое использование должно быть точно определено. Предполагается, что это даст определенную степень защиты большинству европейских стран от ракет, запущенных из ближневосточного региона. Хотя следует отметить, что большая часть южно-европейских стран (юг Франции, Испании, Греции и Италии) не имели бы существенной защиты, поскольку траектории полетов проходили бы далеко от участков развертывания перехватчика. Но такая оборона, если бы технически и была вероятна, предполагала бы деликатные проблемы управления. Необходимость перехвата нескольких ракет, стреляющих по европейским странам из Ирана, быстро исчерпала бы запас доступных перехватчиков и оставила бы брешь в собственно американской обороне. На взгляд Вашингтона, такая ситуация может вызвать некоторое нежелание фактически использовать эту систему для защиты Европы. Существование же европейской (или натовской) системы ПРО изменило бы расстановку сил (особенно если бы она была сочтена годной и для обороны США), но развертывание такой системы должно быть скоординировано с американским развертыванием.

Если бы цель Вашингтона состояла в том, чтобы нацелить систему перехвата против российских межконтинентальных баллистических ракет, развертывание в Восточной Европе имело бы немного смысла. Ракеты действительно летели бы севернее, и перехватчикам пришлось бы стрелять по курсу их

преследования, а не по точке пересечения, что сделало бы перехват близким к невозможному. Не говоря уже о том, что 10 перехватчиков были бы слабым противостоянием российским боеголовкам, число которых приближается к 1 500 и запуск которых сопровождался бы контрмерами.

Однако следует отметить, что развертывание следящего радара в Чешской Республике, как предполагается противоракетным оборонным агентством США, даст Соединенным Штатам некоторую возможность следить за ракетными испытаниями, проводимыми в Капустином Яре, на российском испытательном полигоне, расположенном приблизительно в 500 милях к юго-востоку от Москвы.

Каковы последствия?

В свете предыдущего анализа реакция Москвы, по-видимому, обусловлена двумя факторами. Во-первых, Россия по-прежнему испытывает раздражение по поводу обязательств, которые породил бы такой проект между бывшими странами Варшавского договора и США. И тот факт, что обе эти страны в недавнее время стали частью Североатлантического союза, что уже вызвало недовольство Кремля, по всей вероятности, не поможет в этом вопросе. Во-вторых, Россия, по-видимому, делает попытки отступить от тех отношений, которые были построены с американской администрацией в середине 90-ых годов, и хотела бы сделать это по возможности наиболее театральным образом. По всей видимости, такие жесты предназначены широкой международной общественности и особенно растущему числу стран, которые являются российскими клиентами в области вооружения. Но при ближайшем рассмотрении это не представляется достаточным, чтобы полностью объяснить реакцию Москвы.

Повторяющиеся заявления Москвы о возможности выхода из соглашения 1987 года о сокращении числа ракет ближней и средней дальности (*INF*) вследствие развертывания американской программы ПРО в Европе являются в самом деле пугающими. Особенно когда предполагается, что российские

военные получили новую тактическую развитую ракету, «SS-26 Iskander», которая может потенциально заменить ракеты «SS-23 Spider», демонтированные согласно условиям договора. Радиус действия «SS-26» точно не известен, но эксперты полагают, что он близок к 500 километрам, а возможно и больше, что фактически нарушило бы условия договора.

Все указывает на то, что угрозы российского Генерального штаба не являются пустыми словами, поскольку со времени заключения договора по сокращению (INF) российские военные чувствовали себя лишенными полезного военного инструмента – тактических ядерных баллистических ракет. Следовательно, реакция Москвы может подпитываться желанием вооруженных сил вернуть себе этот инструмент, бросив вызов США и своим бывшим союзникам в Европе, сблизившимся с Вашингтоном.

Другая причина недовольства Москвы может быть связана с чувством нарастающего ракетного превосходства США над Россией. Соглашение о сокращении стратегических наступательных вооружений, подписанное в марте 2002 года, вероятно, рассматривалось Москвой как средство гарантировать паритет ядерных арсеналов, несмотря на снижающуюся способность России поддерживать свой собственный арсенал. Но американская новая триада может теперь представляться в Москве как путь дальнейшего развития для США так называемых стратегических вооружений – включая обычные системы – что привело бы в конечном счете к нарушению такого паритета. Отсутствие каких-либо очевидных мер по соглашению 2002 года также, вероятно, способствует нарастанию недовольства России, тем более что «СТАРТ-1» будет, вероятно, оставаться в силе вплоть до 2009 года. Для российского руководства остается немного вариантов, чтобы наверстать ощущаемый ныне разрыв в ракетном арсенале этих двух стран. Одним из них могло бы быть ограничение сокращения задействованных ракет путем увеличения числа ядерных боеголовок на систему.

Если бы даже реакция России на будущее развертывание ПРО в Европе могла иметь серьезные последствия, следует

рассмотреть возможные последствия для самой Европы. Как мы отмечали прежде, развертывание американской ПРО потребовало бы в будущем двусторонней координации усилий НАТО и ЕС на нескольких уровнях, поскольку система действительно предоставляет потенциальную защиту европейским странам. Но еще неизвестно, пожелает ли Вашингтон участвовать в таких дискуссиях, которые фактически уменьшили бы его возможность использовать европейский компонент для его собственной обороны. Иными словами, есть очень небольшой шанс, что американский компонент, развернутый в Европе, будет фактически объединен в общеевропейскую противоракетную оборону – если такая система когда-либо будет развернута – с учетом того, что подобная интеграция потребовала бы определенной формы решений Европы об использовании системы. На пресс-конференции 9 марта 2007 года президент Ширак предостерегал по поводу того, что будущее развертывание американской ПРО в Европе может породить «новые линии разделения в Европе». Это может показаться очень сильным утверждением, но меньшее, что можно сказать, это то, что существует немного шансов, что европейский компонент ПРО будет способствовать в будущем ускорению создания идентичной европейской системы обороны. Дебаты о последствиях такого развертывания для ядерного сдерживания кажутся маловероятными после речи президента Ширака в Иль Лонге в 2006 году, где он ясно сформулировал возможную роль ПРО как потенциально дополнительную к ядерному сдерживанию.

Французские дебаты

Хотя президент Ширак вмешался в европейские дебаты по американскому проекту, формальная (и неформальная) реакция Парижа остается уклончивой, и критика была весьма ограниченной. Хотя по большей части эта слабая реакция и может быть объяснена тем, что большинство СМИ были сосредоточены на президентских выборах мая 2007 года, однако следует выделить и некоторые иные существенные причины.

Позиция Франции по ПРО сильно изменилась с конца 90-ых годов, когда Париж понял, что США продолжат программу независимо от того, перейдет ли управление к демократам. Французская администрация справедливо рассудила, что Вашингтон рано или поздно свернет дела с Москвой при изменении или отказе от соглашения по АБМ, что приведет к совершенно новой ситуации. Параллельно развивались программы по тактической ракетной обороноспособности при заинтересованности в системах дальнего обнаружения как полезном политическом и военном инструменте.

Париж также понял, что системы ПРО до некоторой степени являются просто еще одной военной программой, которая должна быть оценена по ее финансовой и технической выполнимости, равно как и оборонным возможностям, а не обсуждаться на политическом основании. Другими словами, ядерное сдерживание должно было оставаться основой безопасности Франции независимо от развертывания той или иной системы противоракетной обороны.

Этот стратегический пересмотр позволил Франции выступить на Пражском саммите с довольно ясной перспективой по проблемам, к которым следует обратиться. И среди них проблема, может ли наша территория обороняться системой против нашего желания, что поставило некоторые политические вопросы.

Американское предложение Чешской Республике и Польше воспринято в Париже главным образом как двусторонняя проблема, которая не требует европейских дебатов или обсуждения в НАТО. Однако, Франция продолжает проявлять осторожность во избежание причинения ущерба развитию европейских оборонных проектов.

С английского перевел А. Горлов
(перевод неавторизованный)